
ПОНЯТЬ ЧЕЛОВЕКА

В.В. Корнильев

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К РАССМОТРЕНИЮ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ. (Часть 1)

Аннотация. В работе рассматривается описание динамики психических состояний. Целью работы был уход от идеи изучения психических состояний как фрагментарной последовательности. Предлагается идея процессуального рассмотрения состояния. Для этого делается попытка рассмотреть феномен пребывания человека в психическом состоянии как процесс в непрерывном потоке времени. Анализируется возможность привлечения моделей из точных наук, привлечения новых параметров пригодных для описания психического состояния во временном пространстве. В качестве предмета исканий новым методом выбраны состояния гениальности и сумасшествия, рассматриваемые как пограничные. Основным методом данной работы является психологическое моделирование. Оно заключается в применении прямоугольной системы определения психических состояний через специальные параметры. В результате были введены новые понятия «психическая интенция» и «психическое время». Психическое время рассматривается как цепь свершённых и потенциальных преобразений психики и разделяется на области психического будущего и прошлого. Эти понятия используются в прямоугольной системе определения с осями психического времени и биологического времени. Колебательное движение психической интенции в данной системе описывает состояние человека.

Ключевые слова: психическое состояние, психическое прошлое, биологическое время, гениальность, патология, колебание, психическая интенция, психический ресурс, процессуальность, психическое будущее.

Введение

В разные периоды своего развития наука и культура дают человеку различные представления о своём состоянии. О том, с какой скоростью происходит развитие, насколько близки и ожидаемы грандиозные открытия, много или мало познал человек. Это впечатление создается не только объективным положением вещей в самой науке или культуре, как, например, вереница удивительных открытий и изобретений за удивительно короткий период времени. Но и целенаправленной стагнацией научного движения как, например, в момент тёмного средневековья. Наука не была богоугодным делом. Неопределенное впечатление могли оставлять эпохи или периоды морального и интеллектуального упадка, когда представления о науке, культуре просто призрачны.

Со временем меняется структура и функции информационного пространства в мире, широта научных изысканий, подлинность художественных проявлений. Сегодня открытиями частично распоряжаются коммерческий и политический сектора. Некоторые выгодно удержать в тайне, не-

которые опасно разглашать. Значимость научного открытия иногда путают с оригинальностью идеи или суждение обманывается необычностью области науки, в которой открытие было сделано. Хотя сегодня продолжают существовать и создаваться такие экспертные организации в области оценки как нобелевский комитет, экспертные советы в различных научных фондах, научные комитеты в союзах и т.п. Однако для большей массы людей общее впечатление создаст то, что в нужный момент просочится, например, в информационную массу интернета. Факторов, определяющих общее впечатление о научном и культурном прогрессе, в каждой эпохе большое множество и изучением их разнообразия займется скорее социология, а не психология. Нас же интересует динамика впечатлений внутри научных сообществ.

В них смена восприятия более объективна и, вероятно, более стабильна, регулярна. Состояние науки постоянно соотносится с практическими запросами общества, что является ее надежным критерием. В таком ракурсе видно: как подъемы в науке сменяются спадами, и как это соотносится с преобразованиями ее концептуальной, базовой

теоретической части. Рассматривая эту динамику, не только в области гуманитарных, но и естественных наук, можно говорить об определенном явлении истощаемости одних концепций и смене или модернизации их другими. Преимущественно речь идет о модернизации и дополнении, так как аннулирована (не то же, что опровергнута) может быть только ложная, следовательно, псевдонаучная теория, не имевшая оснований на существование в лоне той или иной науки. Само явление истощаемости может быть обнаружено как последовательно в практической и теоретической частях науки и наоборот, так и одновременно в обеих областях. Актуальная на определенный момент концепция может либо не позволять расширить свое практическое влияние, а научно-технический прогресс стал своего рода наркотиком человеческой цивилизации, либо не позволять объяснять и концептуализировать всё новый и новый эмпирический материал, прирост которого постоянен. До определенного момента старые концепции и модели могут привносить в себя исключения, дополнения, частные случаи. Однако затем неизбежно приходится обновить и модернизировать основу: добавить еще один параметр, обозначить дополнительную взаимосвязь явлений, детальнее рассмотреть одно из базовых положений, аксиом.

Внутринаучный процесс такого рода более стабилен и ограничен в области естествознания. В области гуманитарных наук изменение подхода или дискредитация какой-либо гипотезы есть явление более распространенное. Почти полтора века усилий приобщить психологию к системе точных наук дали малозначительный результат. Начиная с Вильгельма Вундта, открывшего первую в мире психологическую лабораторию в 1879 г., различные учёные по-разному решали эту проблему. Отечественные учёные Павел Васильевич Симонов и Константин Владимирович Анохин, британские психологи Кэрол Ротвелл и Питер Коэн предлагали математические формулы для описания динамики чувств, Роберт Уиллсон и Курт Левин строили аналогии с точными науками, сравнивая психологические механизмы с физическими явлениями энергетического поля и квантовости, Ганс Айзенк и Джо Гилфорд разрабатывали аналитические методики для исследования интеллекта.

Однако батареи тестов, множество экспериментов, пачки анкет так и не дали безусловных знаний о человеке. Их результаты относительны, а применение тех же результатов становится де-

лом ювелирным. Рекомендации К.М. Гуревича в книге «Психологическая диагностика» по этому вопросу вполне отражают суть задачи¹. Глобальные тесты, такие как «Рисунок мандалы», использующие проективные механизмы, и вовсе требуют исключительно творческого подхода. Хотя они более подходят для экспериментального анализа такой сложной структуры как человек. Вместе с тем мы не беремся нарекать саму проделанную работу малозначительной и тем более бесполезной. Мы обозначаем лишь то, что она не смогла помочь психологии попасть в систему точных наук. В тоже время, не возлагая много надежд на эксперимент в психологии, учёные продолжали предлагать различные понимания и интерпретации психической реальности. Сегодня это привело к формированию пяти устойчивых мировых направлений психологии и невероятного количества частных, локальных гипотез в областях того или иного направления, в системе психотерапевтических техник. Однако научного единства и целостности психология не достигла. Учёным удалось выделить и сформулировать ряд достоверных аксиом и гипотез в психологии, которые стали концептуальными основами того или иного направления. Каждая из них имеет богатый потенциал для интерпретации психических явлений, но не приводит науку к единству.

Богатым, но не менее сложным ресурсом для психологии оказалась в этом отношении ее прародительница философия. Вопросы смысла человеческой жизни, вопросы познания, восприятия, происхождения человека и т.д. закрепились в психологии также прочно и требуют такого же основательного рассмотрения. Естественным образом ответы и решения этих вопросов должны быть в идеале плотно интегрированы в психологические концепции в целом.

Видя перед собой всю галерею тонкостей научных изысканий и нестабильность, некоторую условность научного успеха, многие учёные закономерно ставят вопрос о причинности данного, размышляют, что лежит в корне этих проблем. Методология, базовые категории и понятия? Привычка мыслить категориями, классифицировать, разделять? Тип цивилизации, западноевропейский подход? Есть ли среди всего этого ошибка? Скорее всего, однозначного ответа нет. Человеческое зна-

¹ Гуревич К.М., Борисова Е.М. Психологическая диагностика. 2-е изд. М.: УРАО, 2000. 304 с.

ние и цивилизация эволюционны, а в эволюции ошибок не случается. Периодически возможны тупиковые ответвления, которые, впрочем, продолжают существовать, или привнесение нового качественного отличия к уже имеющемуся решению задачи эволюции. Но это не ошибки, а естественный ход вещей. Такие же закономерности наблюдаемы и в области знаний. Как был разрешен застой бихевиоризма? К чему пришли философия и психология, отвернувшись от стремления к универсумам? Решением были новые прогрессивные научные направления, такие как классический психоанализ и экзистенциальная психология, которые опять же стали не стали основой основ, но удачно дополнили и предали науке новый потенциал. Находились ли причины этих явлений в состоянии науки того времени или о себе заявляли все новые и новые данные, скорректированные запросы общества? Все это понемногу. Последние ключевые преобразования в физике очень хорошо иллюстрируют данный механизм: появление ОТО и квантовой механики. Всякая мысль имеет свой период активного участия, а затем выходит на пенсию, где как всякого старика ее нужно помнить и уважать.

Таким образом, условная валидность тестов, нерешённые запросы практики и теории, ждущие своего часа вопросы философии – это не признаки несостоятельности научных достижений, а постоянные стимулы и мотивы эволюции. Значительную популярность приобретают сегодня феномены восточной культуры. Древние учения и «бессознательное мышление» стали для некоторых учёных своего рода «священным граалем». Так Н. Друри в книге, посвященной трансперсональной психологии², ее предыстории, становлении и проч., последнюю главу назвал «Пути человеческого потенциала». Весьма пронизательно указывая на непредсказуемые и пугающие общественные культурные тенденции и в религии, и в психологии, он все же остается оптимистом в отношении идеи всестороннего и разнообразно развитого человека. А для нее и учёные, и обыватели часто готовы смешать и употребить все возможные средства. Грааль нужно добыть и поставить на вооружение западной цивилизации. Наука пойдёт вперед и НТР будет повторена. Однако при более тщательном рассмотрении становится понятно, что такое поглощение невозможно. Западная цивилизация

не может принять в себя и ассимилировать восточный тип сознания. Иначе бы он и не зародился так далеко от Аристотеля и Пифагора. При попытке его эксплуатировать он будет утрачен. Трансперсональная психология, построенная, казалось бы, отчасти на восточных практиках и таким образом, являющаяся своего рода мостом между западной и восточной культурами, не может служить идее общей интеграции двух культур. Существенные сходства обнаружили и ранее между гештальтпсихологией и буддизмом. Однако и оно не послужило воссоединению. Хотя, кажется: что еще надо, если теоретические обоснования, по смыслу, практически идентичны? Становится ясно, что какие бы аналогии мы не проводили, к каким бы результатам найденное не вело, эти два типа сознания, восточный и западный, стоят очень далеко друг от друга. Несмотря на то, что продукты этих сознаний одинаково значимы, схожи между собой и эффективны, к ним приходили разными путями, и они в корне различны. Следует ли от него тогда отказаться? Нет. Добросовестный учёный скорее всего тщательно изучит и постарается осознать в каком-то смысле инородное явление и прочно усвоит отличие и область применения изученного, но не будет вырывать его из контекста. Именно так проявляет себя и удачный симбиоз растительной среды. Чему есть множество примеров среди трав, грибов, кустарников, деревьев, микроорганизмов и т.д. Каждый из них – самостоятельно существующая единица, но немыслимая без своего биологического спутника. Поглощение там отсутствует, существует только контакт и обмен.

О чем это говорит нам? О возможности развития научной мысли в оригинальной среде, так как пространство для ее развития свободно. А ассимиляция и интеграция знаний может еще долго происходить внутри только западной культуры, между огромным количеством наук и областей знаний. Известно множество примеров глубокого и плодотворного сотрудничества наук. Физика и геометрия, биология и математика, химия и физика, социология и психология, культурология и философия и т.д. Изначально эти пары выглядели именно так: крепкое сотрудничество и новые междисциплинарные области знаний появлялись в парах, образованных двумя естественными, двумя социальными или двумя гуманитарными науками. Двадцатый же век предложил новые комбинации. Осознание системности и взаимосвязанности знаний привело к тому, что один из столпов современ-

² Друри Н. Трансперсональная психология. Львов: Инициатива, 2001. 208 с.

ной психологии, основатель аналитической психологии Карл Густав Юнг вел научную переписку с известным физиком, положившим начало квантовой механике, Вольфгангом Паули уже после прекращения терапевтических встреч³. И идея «синхроничности», разработанная К. Юнгом, нашла в этой переписке немалую поддержку. А.В. Чернетский, доктор технических наук пишет предисловие к книге, посвященное проблемам биоэнергетического лечения. Она, впрочем, была написана после Московского международного симпозиума 1989 года, на котором выступали как представители точных, так и гуманитарных наук⁴. Естественные науки стали часто перекликаться с гуманитарными. В области философии же эта взаимосвязь не только существовала всегда, но последние полвека все сильнее актуализируется. В том числе, вероятно, в связи со все возрастающим интересом к трудам классиков греческой философии.

Из множества фактов, склоняющих точные и гуманитарные науки к более плотному и конкретному сотрудничеству, часть была разоблачена как недостоверная. Но другая часть, состоящая наполовину из не поддающихся пока интерпретации данных статистики, наполовину из исторических ярких фактов, которые нет возможности проверить (то, что предпочитают отнести на счет мистификации, исторической выдумки, политической или управленческой уловки), удерживает проблему в фокусе. Так, например, упомянутый симпозиум в Москве 1989 г. по проблемам биоэнергетики хорошо иллюстрирует ту границу между физикой и психологией, которая вот-вот может разрушиться. Так же эта тенденция иллюстрируется рядом психологических направлений, пытающихся в пределах метафоры или сравнения соединить в своем подходе психологию и физику. Например, «квантовая психология» или «вибрационная психология». Надо отметить, что по своему масштабу эти направления не столь значительны. Но уже прочно заняли место в научной действительности. А главное, в них видно научное стремление к соединению наук, хоть и безосновательное внутри приведенных концепций. Их связь более сравнение, чем обоснованный реальными связями вывод.

Все вышеописанное дает представление о том многообразии путей, которыми может идти развитие науки, какие проблемы неизбежно перед ней возникают в области философии самой науки и в области взаимодействия с конкретными фактами. Тут стоит отметить, что сам факт еще до научного осмысления имеет дополнительно осмысления философское и культурологическое. И они могут накладывать значительные ограничения на уже восприятие факта, особенно в области гуманитарных наук. В числе прочего мы специально выделяем феномен парных классификаций или дуального научного восприятия действительности. Он обращает на себя внимание как в области работы с той или иной концепцией, так и в области лексики. С одной стороны, как любая научная аксиома или априорное знание явление классификации и связанное с ним явление противопоставления успешно оправдывают свое существование. Любая область действительности успешнее воспринимается человеком, если обозначены ее границы, то есть грани или крайности. Поэтому в области науки всегда создаются идеальные, абстрактные образы. Они же создают свой антипод исходя из собственного определения в той же научной области. Притом несущественно, какую границу задает оригинальное понятие: очерчивающую-круговую или подобную отрезку. Обратный вариант всегда возможен, исходя даже исключительно из лексических предопределений. Многие выводы в области логики и науки делаются от противного или путем исключения и т.д. В общем, идея дуального научного восприятия принесла много пользы. Но недостатки не были исключены. В частности, оно провоцирует дискретность восприятия. В психологии часто речь идет о типах, характерах, состояниях и т.д., а временная компонента опускается. Если речь идет о динамике, то описывают становление и развитие того или иного состояния или структуры. То есть описывают опять же смену дискретных элементов. И проблема не в том, что эти элементы недостаточно плотно и плавно интегрированы в один процесс, например, развития личности или укрепление психологического типа. А в том, что каждый элемент продолжает восприниматься как образ, наложенный на один единственный момент времени. Эта проблема носит отчасти философский характер. Ее разрешение или работа в этой области имеют шанс существенно стимулировать ход науки, как будто то новая смежная область знаний, новый диалог гуманитарных и точных наук,

³ Подробнее в книге: Линдорф Дэвид. Юнг и Паули: встреча двух великих умов. М.: Касталия, 2013. 282 с.

⁴ Левинсон Ю.М., Зинченко В.Г., Виноградов М.Ю., Новицкий О.П. Основы биоэнергетической диагностики и лечения. М-Л.: Рос-Маркетинг, 1991. 95 с.

новый принцип познания, обнаруженный фактор широкого влияния. В следующей главе мы пробуем рассмотреть пару феноменов, гениальность и патологию, в соответствии с вышеизложенным принципом. То есть, рассматривая каждый из феноменов не как явление, а как процесс.

Гений в понимании науки явление весьма сложное. Несмотря на то, что вокруг проблемы понимания гения сосредоточено много усилий психологов, педагогов и философов, он остается загадкой. Есть много отличительных особенностей гения: самоконтроль, целеустремленность, разносторонность, способность предвидеть, выделять главное. Однако о происхождении гения, о четком наборе параметров, по которым можно определить гения, речи не идет. Здесь мы солидарны с мнением отечественного исследователя Николая Васильевича Гончаренко, изложенным в его монографии «Гений в искусстве и науке»⁵, но в целом университетские учебники все еще апеллируют формальным определениям и количественным подходам, когда куда важнее описать загадочность и неподступность феномена, чем привести блёклые заключения. Статистика остается в этом вопросе недееспособной. Никому неизвестно, сколько гениев забыто, сколько не признано, сколько погублено. Анализируются лишь те, что были признаны, чьи имена без труда можно отыскать в энциклопедии. Каждый вопрос к гению оказывается очень объемным. Природа и суть этого явления скрыты. Наука восхищается и благодарит их, но не в силах понять до конца. Здесь же для заключений будет достаточно феноменологического набора гениев. Набор их наиболее очевидных личностных качеств, познавательных особенностей, социальный статус и т.д. Хотя вопрос природы гения нам не удастся проигнорировать полностью, так как если мы иначе определим феноменологию, то логично будет предположить и иной путь ее происхождения.

Исторической проблемы понимания гения не возникает. От момента появления самого феномена гениальности одна эпоха отличается от другой лишь степенью справедливости в нарекании гением того или другого деятеля. Таким образом в той или иной стране, в то или иное время гениев «могло становиться больше». С усложнением политической системы явление «лжегениев» стало чаще. Особо показательно в этом отношении выглядит

список гениев, составленный американским учёным Уолтером Бауэрманом, в который тот включил всех президентов США, почти всех вице-президентов и всех верховных судей. Это явление не было единственным и касается не только исторического подсчета и политической сферы. У Н.В. Гончаренко приводятся и другие исследования подобного характера, например, Хавлека Элвиса, англичанина, выявившего в Англии 1030 гениев⁶. Однако само интуитивное определение гения, вне коммерческих, патриотических, социальных и политических расчетов устойчиво. Определённое статистическое влияние могли играть и личностные качества биографов и историков, благодаря которым тот или иной человек нарекался гением. Факторов предостаточно. Однако среди тех гениев прошлого, которых сегодня выделяет наука, лжегениев не найти. Время все расставило по местам, и даже многие выдающиеся таланты и классики разных эпох были уверенно отделены от образа гениальности. Это говорит о том, что понимание гения даже в разные эпохи, когда оценка его трудов сильно зависела от настроения и состояния общественности, когда непризнанный на своем веку его признавали позже, а сегодня его заслуга должна казаться незначительной, его признание, если были свершены, то оставались навсегда.

Понимание патологий несколько сложнее. Их осмысление наоборот сильно и часто преобразилось. Историческое описание проблемы очень сложно, так как само понятие патологии, в психологическом смысле, сильно размножилось. Из общего понятия «безумие» или «сумасшествие» сегодня выросло такое множество понятий, терминов, названий патологий, классификаций и прочего, что появились целые тома, словари, энциклопедии, списки и т.д. Так в сборнике МКБ 10, в разделе «Психические расстройства и расстройства поведения», содержится около 100 подразделов, каждый из которых может иметь еще от 2 до 10 подпунктов. И тем не менее, применять на практике ее чрезвычайно трудно. Внешне это может даже создавать некоторое впечатление абсурдности. Избыточный формализм и педантичность в этом отношении все равно приводят к тому, что тому или иному пациенту не удается присвоить однозначного диагноза, скорее присваивается сразу несколько с комментариями и дополнениями. Однако эта тема также слишком ве-

⁵ Гончаренко Н.В. Гений в искусстве и науке. М.: Искусство, 1991. 432 с.

⁶ Подробнее: Хавлек Элвис. Исследования британского гения. FStudyofBritishGenius, 1904.

лика для данной работы. Важен ли нам тот факт, что понятие психологической патологии или «безумия» всегда оставалось динамичным? Оно менялось под воздействием религии, нравов, культуры той или иной эпохи, для отдельных людей даже под воздействием внутрисемейных убеждений. В данной работе мы игнорируем этот факт на том основании, что эти явления в большинстве случаев дифференциация понятия или корыстная эксплуатация, а само природное явление патологии в самом общем его понимании остается неизменным. Хотя современная цивилизация определенно нанесла свой отпечаток. Ведь она изменила внешние социальные и материальные условия. Например, алкоголизм стал проблемой только после открытия технологий приготовления спиртных напитков, а человеческая индивидуальность стала чаще страдать в условиях массовости. Впрочем, здесь надо быть осторожными и не спутать *формы проявления* патологий, привнесенные цивилизацией, и действительное изменение *формы* патологии. В каком-то смысле мы подходим к вопросу определения нормы, которая признается объективно существующей, но общее составное популярное определение так и не получила. Однако снова, в виду масштабности вопроса, мы удовлетворимся общим разделением состояний на патологические и здоровые. В тех же случаях, когда по сегодняшним меркам патология понималась как норма или даже одаренность, будет хорошая возможность проверить предлагаемую гипотезу и интерпретировать этот факт.

Также невнимание к исторической динамике понятия оправдывает то, что при связывании понятий гениальности и патологии, не существует достоверных и даже малодостоверных зависимостей между какими-либо характеристиками гения и типом патологии как психологической, так и физиологической. Факт отсутствия достоверных зависимостей и большого разнообразия патологий интересен и в сравнении с исторической динамикой понятия гениальности. Так, например, отталкиваясь от факта разнообразия патологий в пределах предположения о взаимосвязи патологии и гениальности, а тем более в пределах предположения Тамаса Саса⁷, американского психиатра, который весьма объективно показал, что ряд патологических состояний нужно понимать как особый вид строения и функционирования психи-

ки, можно предположить возможность широкой дифференциации видов гениальности. Если в этом имеется смысл.

О взаимосвязи же этих понятий можно рассмотреть три предположения. Первое, что гениальность проявляется всегда в паре с патологией. Эта теория получила наибольшую поддержку среди сторонников теории генетического происхождения гениальности, которая берет свое начало у английского исследователя, основателя дифференциальной психологии Френсиса Гальтона. Но более отчетливо сформировалась у таких учёных как Ч. Ломброзо и М. Нордау, которые связали гениальность не просто с действием генов, но напрямую с патологией. В условиях этой теории взаимосвязь оправдывается просто. Специфическая комбинация генов определяет одновременно как необычное строение психики, так и нетипичную физиологию. Эта идея удобна тем, что, не имея пока возможности выделить эту удивительную комбинацию генов, наука может апеллировать к бесконечному многообразию таких комбинаций, оправдывая то и оправдываясь одновременно тем, что для соответствующих гениальности патологий также не выделено четких зависимостей. Из этого же вытекает предположение о бесконечном разнообразии гениальности, правда, как и в случае с патологиями, на уровне классификаций и определений. Правда в этом случае нужно быть уверенным в понимании психофизиологической зависимости, то есть, как строится взаимодействие физической и психической энергий, т.к. патологии, если они наблюдаются у гения, носят как соматический, так и психический характер. А этот психофизиологический вопрос остается неразрешённым. Также сторонники однозначной зависимости проявления гениальности и патологии обращают внимание на социальное поведение гениальных личностей, отмечают их периодическую «неадекватность» или «чужаковатость». Однако на эти данные полагаться не стоит, т.к. понятие «адекватности поведения» в различные эпохи, в различных обществах подразумевало разное. Сегодня же это понимание скинуло всякие границы, жестоко эксплуатируется коммерцией, и на фоне сегодняшнего разнообразия нравов все гении с легкостью займут приличное положение в обществе. Итак, в первой теории феномену гениальности соответствуют психические и физиологические патологии.

Второе предположение говорит об отсутствии взаимосвязей между гениальностью и патологией.

⁷ Сас Т. Миф душевной болезни. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2010. 421 с.

Оно выражается в множестве различных подходов к феномену гениальности (эволюционная, социогенная и проч. теории), и потому бессмысленно обращаться к фамилиям. Отмечается, что эти феномены, гениальность и патология, рассматриваются отдельно, и нет достаточных статистических обоснований для того, чтобы искать взаимосвязь в происхождении обоих феноменов. Учитывая, что происхождение гениальности очерчено в науке весьма приблизительно, и решающих факторов среди тех, что сопутствуют появлению гениальности, не выделено. По мнению некоторых сторонников этой теории, соматические проблемы гениев часто связаны с образом жизни. Постоянный труд, переживания отвлекают их внимание от психогигиены: режима приема пищи, сна, отдыха, физической нагрузки. Вместе с тем отмечаем, что интеллектуальный труд и ощущение собственной востребованности очень благотворно влияют на здоровье, и среди гениальных людей есть немало долгожителей, и много еще доживших до преклонного возраста. Более того, в некоторых случаях упомянутые долгожители проносили через всю жизнь хронические заболевания, необычные физиологические симптомы и странности. Известный физик и математик Исаак Ньютон страдал всю жизнь подагрой, Джон Стейнбек, лауреат нобелевской премии по литературе, – хронической пневмонией до 66 лет, Стивен Хокинг, талантливый физик, обладатель множества наград в области технических наук, с 1960-х годов приобрёл боковой амиотрофический склероз, сильный паралич и лишился трахеи после воспаления лёгких, но не оставив научную деятельность активно трудится и сегодня. Не отвлекаясь от прямых аргументов в пользу этой теории, отмечаем, что данные статистики остаются неубедительными, а понимание патологии определяется неполноценно.

Третье предположение мы выделяем с некоторой неуверенностью. Оно гласит, что гениальность является следствием патологии, или патология периодически включает в себя компонент гениальности. Речь идет о случаях, когда проявлению неординарных способностей предшествовала серьезная психическая или физическая (по совместительству и психологическая) травма или потрясение. Так по некоторым свидетельствам митрополит Макарий, известный церковный деятель XIX века, проявил свои способности после того как ему разбили камнем голову дворовые ребята, Мильтон написал одну из своих лучших поэм пре-

бывая в уединенном изгнании. Статистика, согласно американскому профессору Арнольду Людвигу, утверждает, что значительная часть гениев лишалась родителей в раннем детстве или переносила тяжелые заболевания. Также здесь мы упоминаем о культуре шаманизма. Шаман перед становлением должен пережить «шаманскую болезнь», которая врачами обычно воспринималась как психическое расстройство. Будущих шаманов пытались лечить и психиатры, и психотерапевты, но болезнь отступала, только если «больной» начинал камлать или его посвящал другой шаман (Впрочем, изредка болеющий мог сам «перебороть болезнь»)⁸. Правда, способность к, скажем, камланию мы не приравниваем к проявлению гениальности. Но это отдельный талант, редкая способность. Эта идея не охватывает все проявления гениальности. В большом количестве случаев даже специально трудно найти событие в жизни гения, которое можно приравнять к травме или потрясению. Трудно утверждать, что Эйнштейн был шокирован или потрясен попавшимся ему в детстве учебником по геометрии, что, по мнению некоторых учёных, стало отправным пунктом любви к этой науке.

Процессуальное рассмотрение психических состояний

Наша идея не относится целиком ни к одному из приведенных предположений. Работая в области психического, мы в допустимой степени абстрагируемся от физических явлений, соматических заболеваний. Мы руководствуемся идеей, что гениальность в *своих проявлениях* от психических расстройств (далее для простоты употребляем термин «безумие») отделена незначительно. Но характерной чертой истинного гения будет являться устойчивый баланс на этой грани. Притом этот баланс мы понимаем не как положение на грани к переходу в безумие или от перехода из безумия в гениальность. А как разницу между, по природе, родственным явлением и сильным качественным от него различием. На подобие того как несущественно отличается человек генотипом от человекообразных обезьян, и как существенно отлично их поведение и проч., то есть проявление генотипа. Так отлична и природа, и проявление гения от природы и проявления безумца. Обосновано это поло-

⁸ Смоляк А.В. Шаман: Личность, функции, мировоззрение (Народы Нижнего Амура). М.: Наука, 1991. 280 с.

жение будет преимущественно в процессе рассмотрения предлагаемой идеи.

Но от начала мы обратим внимание на ряд формальных совпадений, отмечаемых в личностных качествах и способностях гениев и психически нездоровых людей. Н.В. Гончаренко в книге «Гений в искусстве и науке» выделяет характерные гению качества⁹. Это целеустремленность, высокая трудоспособность, умение ставить цель и выделять главное, глубокая чувственная вовлеченность в работу, умение концентрироваться, стремление к постоянному саморазвитию, самостоятельность, умение выстраивать и отстаивать собственную позицию, достаточно высокий интеллект и постоянное стремление к творчеству, новизне, очень широкий круг интересов. Если мы обратим внимание на то, как описывает «помешанных» Ч. Ломброзо в известном труде «Гениальность и помешательство», то большинство из описываемых им «помешанных» являются носителями того или иного качества гениального человека. Иногда их называют одержимыми в традиции религиозного преследования. И этот факт подчеркивает сходство. Часто причиной социального опасения становится чрезмерно развитые одна или несколько черт характера. Однако решающую роль для ощущения болезненности и опасности ситуации играет не чрезмерное развитие одних качеств, а недостаточное развития для их поддержки других. Например, высокая целеустремленность к математическим истинам вместе с низкими логическими способностями, очень широкий круг интересов вместе с неумением концентрироваться на главном, ставить цель, стремление к самостоятельности и отсутствие тяги к постоянному саморазвитию. Можно упомянуть маньяков-графоманов, чьей трудоспособности и целеустремленности можно бесконечно удивляться. Но при отсутствии достаточного интеллекта и умения выделять главное, ставить цели их сила превращается в проклятие. Надо отметить, что для нас пока не очевидно происхождение этих черт как у гения, так и у «помешанного». И мы не беремся утверждать, что «сумасшедший» – это недоразвитый гений. Совпадение одной-двух черт не может утверждать глубокую связь. Однако дополнительно стоит отметить явления некоторого «перехода» из одной сущности в другую. Так Джон Неш, гениальный математик двадцатого века, «прошел» к всемирно-

му признанию своей гениальности через шизофрению и не избавился от нее до самой смерти. Но нашел гармонию сосуществования, и настолько научился скрывать свои симптомы, точно обнаруживая их в своем поведении, что обманул врачей и убедил их в своем полном выздоровлении. А гений философии Иммануил Кант к концу своей жизни перестал узнавать в лицо близких людей и написал престранный труд о насекомых, которому суждено бесконечно пылиться в архивах. Вместе с тем категорично окрестить его умалишённым и отрицать его гениальность было невозможно. Также отметим, что Д. Неш, чтобы сопротивляться собственной шизофрении, сознательно ограничивал себя в некоторых математических пристрастиях, а И. Кант напротив, так безмерно эксплуатировал свое мыслительное дарование, что под конец оно его «предало». Собственно, чрезвычайно богата такими примерами и книга Ч. Ломброзо¹⁰. Очень часто там находим упоминания о неожиданных «гениальностях» помешанных или «сумасшествиях» талантов и гениев. Но так как именно эта идея и разработана Ч. Ломброзо, мы сконцентрируем внимание на фактах чрезмерной эксплуатации тех или иных черт характера, психических способностей и проч. Возможно именно это искусство силового баланса возвышает гениев и уничтожает психически больных.

Второе совпадение мы отмечаем в явлении, которое назовем «психической интенцией» или психической направленностью во времени. По Гончаренко, гений характерен своими интенциями в будущее. Человек особых способностей идет впереди собственной эпохи. Гений видит траекторию развития человека, направленную в будущее и предвидит проблемы. Такие люди характерны тем, что обращают внимание на те области знаний и на те вопросы науки, которые имеют прямую связь со скорейшим эволюционным продвижением. Они «видят» будущее и готовят к нему окружающих. Вместе с тем американский исследователь психологии творчества Дин Саймонтон отмечает другую особенность гениев: их сильная сторона в том, что они «иначе видят прошлое». По Д. Саймонтону, гений переосмысливает и исправляет направление эпохи. События прошлого, понятые политиками и талантами одним образом, для гения показывают совсем иное, и, произведя определенную реинте-

⁹ Гончаренко Н.В. Гений в искусстве и науке. М.: Искусство, 1991. 432 с.

¹⁰ Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. М.: Республика, 1995. 397 с.

грацию в понимании опыта прошлого, он выделяет другие важные вещи, предлагает иной путь, иные теории. И именно на этом строится удачная интенция гения в будущность.

Впрочем, эти две идеи не противоречат друг другу. Они скорее являются взаимосменяющимися сторонами одного психического процесса – гения: постоянного колебания психической интенции от прошлого к будущему, от опыта недавних и дальних поколений к возможностям современников и в далекое будущее. Именно этот *волнообразный* процесс характерен чуткой душе гения. Здесь же мы видим еще одно переплетение особенностей «помешанных» с особенностями гениев. Если у высокоодаренных личностей процесс смены временных интенции стабилен и сбалансирован, то существенная часть психически больных характеризуется обратным. Их психика часто сконцентрирована либо исключительно на событиях прошлого, которое быстро становится воображаемым, либо на предполагаемых событиях будущего, не имеющих эмпирических обоснований, кроме воображаемых, в прошлом и настоящем. Здесь же мы отмечаем, что идея психических интенций глубоко выражает эволюционное различие между человеческим видом, в котором бытие распределено по трем временным осям: психическое прошлое и будущее и биологическое время, и остальным царством животных, в котором бытие распределено по одной биологической или двум биологической и психической в прошлое (коллективное бессознательное по К. Юнгу) временным осям. То есть, рассматривая человеческую особенность существования в нескольких временных «измерениях», мы видим, что сущность гения от сущности психически больного отличается своей сбалансированностью и гармонией. Для сущности психически больного характерно своеобразное «застревание» во временных психических интенциях. О том, чем баланс психических интенций гения отличается от баланса обычных людей, речь пойдет позже.

Графический способ процессуального отображения психических состояний

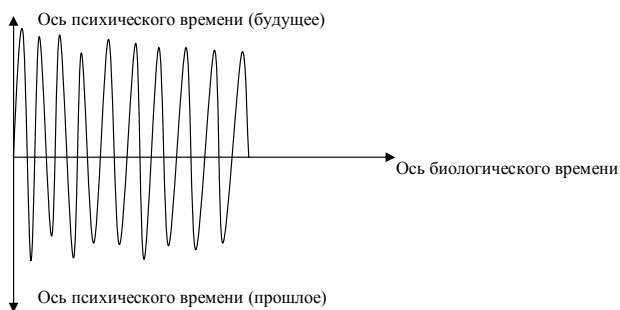
Теперь, несколько укрепив наше предположение о наличии взаимосвязей в природе гениев и психически больных, мы переходим к рассмотрению этих феноменов непосредственно внутри идеи «процессуального восприятия явлений». На отрезке времени каждый феномен, каждое явление имеют

несколько вариантов своего проявления, плюс они могут быть восприняты с различных позиций. То есть, феномен при процессуальном рассмотрении – это совокупность возможных его проявлений. Это придает явлениям и объектам относительность, вариативность. Подобные рассуждения велись в двух науках. Во-первых, в физике. Корпускулярно-волновая теория отражает с точностью нашу идею рассмотрения явлений. Волна в физике – это возможность, которая приобретает свое конкретное (корпускулярное) значение только в определенное мгновение. Эту же аналогию использовал Роберт Уиллсон в написанной им «Квантовой психологии». Однако то сочинение имеет более практический характер, оно предлагает определенную стратегию восприятия окружающего мира. Наше же построение имеет более теоретический характер. Так как мы рассматриваем феномены гениальности и безумия как совокупность возможностей, то мы изобразим эти феномены на прямоугольной системе координат, в которой ось абсцисс будет отражать биологическое время жизни представителей гениальности и безумия. То есть, то самое время, в движении которого проявляется исследуемая совокупность возможностей. Ось ординат в этой системе должна обладать следующей особенностью. В ней, как, впрочем, и во всей системе, должны найти отражение не только феномены гениальности и безумия, но и феномены, прямо относящиеся к любому представителю человечества. Это следует из того, что ни гению, ни больному человеку не свойственны какие-либо удивительные качества или характеристики, которых мы бы не нашли у обычных людей. С одной стороны, может показаться, что мы так утверждаем наличие лишь количественного различия между, скажем, гением и человеком средних способностей. Но здесь нужно понимать, что это заключение сделано применительно к системе координат, на которой выражаются именно количественные различия, индексации и т.д. Одновременно с этим мы продолжаем поддерживать идею того, что и гений, и психически больной человек имеют, несомненно, решающее качественное отличие от обычного человека. То есть выраженные нами количественные различия в отношении психических свойств, способностей, интенций подразумевают, в конечном итоге, синтетический результат иного качества.

Из отмеченных нами психических свойств, для системы подходит свойство временной направленности психики или психической интенции.

Она может иметь два направления: в будущее и в прошлое, что будет соответствовать положениям выше и ниже оси абсцисс соответственно. Также явление психической интенции характерно для всех представителей человечества. Способность человека мысленно направляться в будущее на сколько бы то ни было далеко, строить планы, прогнозировать, фантазировать, способность вспоминать, заново переживать отдельные моменты своей жизни мысленно и эмоционально, выуживать и использовать опыт своей жизни и жизни человечества в любой момент времени – все это было выделено как психологами, так и философами как сугубо человеческое.

Графически это выглядит следующим образом:

Перед тем как продолжить мы подробнее рассмотрим используемое понятие психической интенции, далее то, что подразумеваем под единицей времени. Под интенцией мы подразумеваем психический процесс использования непредъявленной непосредственно информации. То есть использование психического ресурса, который существует либо как представление о прошлом, воспоминание (интенция в прошлое), либо как представление о будущем, воображение (интенция в будущее). При более детальном рассмотрении ясно, что именно процесс психической интенции является основной, или одной из основных психических активностей. А процесс взаимодействия с непосредственно предъ-являемой информацией занимает психику гораздо меньше. Тот самый «поток сознания», идею американского психолога и философа Уильяма Джеймса, в сравнении стоит назвать «ручейком сознания»¹¹. Ресурсы, относящиеся к интенции в прошлое, это воспоминания, относящиеся к интенции в будущее –

воображение. Однако и те и другие могут находиться на шкале психического времени ближе или дальше от настоящего момента. Так воспоминание может находиться на «близком расстоянии» в области предсознательного или «далеко» в области коллективного бессознательного. Однако подробнее мы это опишем после раскрытия понятия времени в этой системе. Сейчас же обратим внимание на реальную широту действия «колебаний» психической интенции. Мы говорим «колебаний» потому, что априорно предполагаем для некоей «нормы» чередование психической интенции от психического прошлого к психическому будущему, при котором пересекается ось биологического времени (момент настоящего). Такое чередование или колебание характерно для человеческого восприятия вообще. Полное осознание любого предмета происходит в процессе прохождения обеих интенций. Наблюдая, предположим, избу, психика сравнивает предъявленный материал с ресурсами психического прошлого, с образом жилища, обиталища, относящегося к недавнему прошлому и архетипическим образом. Затем происходит повторное пересечение момента настоящего и интенция в будущее: психика моделирует аналогичную возможность использования избы в качестве жилища и возможность иных действий в ней связанных с домашним бытом. Такой алгоритм действий является развернутым процессом восприятия. Момент же взаимодействия с актуальной информацией более краток и пассивен. И, разумеется, мы бы не осознавали существо избы исходя только из сенсорного восприятия. Об этом же говорят многочисленные тесты на целостность восприятия, в которых требуется мысленно достроить частичное изображение объекта, предъявленного визуально. Стабильность же и надежность чередования интенций отражает состояние памяти и фантазии индивида и посредством этого связываются и с иными базовыми психическими процессами, например, абстрагированием. Это подтверждают и особенности памяти животных. Так, даже высоко эволюционировавшие млекопитающие имеют существенные временные ограничения при выработке условного рефлекса. Для многих определена четкая граница возможной отставленности подкрепления рефлекса во времени.

Экскурс в нейрофизиологию и нейропсихологию был неоднозначным. Внимание мы больше сконцентрировали на вопросе взаимодействия полушарий коры ГМ, надеясь найти характерные

¹¹ Здесь мы не затрагиваем вопросы бессознательного, но подсчеты исследователей, говорящие, что сознательное занимает в психической структуре лишь 6%, свидетельствуют в пользу приведенной метафоры.

колебательные явления в связи с идеей дифференциации функций полушарий и идеей доминантности полушарий. Прямых свидетельств этому, разумеется, найти было невозможно. Достаточно старая идея распределения сознательности и бессознательности между левым и правым полушариями соответственно очень слабо поддерживает нашу гипотезу. Она давно подвержена серьезной и обоснованной критике. Идеи влияния полушарий на активность друг друга посредством подавления или стимуляции также не могут дополнительно характеризовать нашу гипотезу. Они основываются на положении функциональной специализации полушарий, которая малодостоверна и их трудно логически связать с идеей психического колебания. С другой стороны, и большинство экспериментов, направленных на выявление функциональной специализации полушарий, имеют малодостоверные результаты. Что замечательно показано в книге американских исследователей, С. Спрингера и Г. Дейча «Левый мозг. Правый мозг. Асимметрия мозга»¹². Это говорит в пользу нашей гипотезы, т.к. отражает априорно предположенную нами гармоничность и сбалансированность колебаний (С необходимой мерой погрешности.) То есть, в некоторой степени, функциональную усредненность. Плюс была обнаружена гипотеза отечественных учёных, Н.Н. Брагиной и Т.А. Доброхотовой о том, что полушария мозга имеют именно временную специализацию¹³. Левое полушарие ответственно за работу с событиями настоящего и будущего, правое – за работу с событиями настоящего и прошлого. Однако эта гипотеза не получала ни поддержки, ни разработок последние 20 лет. То есть не обрела достаточной популярности, чтобы мы могли ею воспользоваться как психологи, т.к. оценить ее критически как нейрофизиологам трудно.

Показав не обоснованность ввода такого понятия как «психическая интенция», мы раскрываем понятие психического времени. Время, как предмет точных наук, недавно потерпело серьезное потрясение. Учёные отмечают, что возможно время как самостоятельное физическое явление в нашем мире отсутствует. Его существование всегда условно и всегда связано непосредственно с каким-либо еще параметром системы, как прави-

ло, с пространством. Именно неправильное понимание времени привело к некоторым парадоксам естественных наук. Функция времени в новом понимании является исключительно нумерологической. Время не может детерминировать события и раскрывать природу процессов. Оно искусственно определяет систему, для описания которой используется. Из этого следует, что сохранение фиксированных временных промежутков между этапами процессов, между явлениями, между случайными точками одного процесса для их понимания не обязательно. Время уже не есть абсолютная величина. В каждом отдельном случае час, или минута могут быть интерпретированы на иной манер, иногда более удачно для изучения описываемой системы.

Это справедливо и применительно к нашей ситуации. Одна ось в системе имеет конкретизированное значение времени. Это психическая. Биологическое время мы не считаем абсолютным, но чтобы не усложнять отображение процесса колебания психической интенции, мы его представляем в виде идеальной, линейной функции. Части ее можно, следовательно, отмерять классическими временными интервалами: секундами, минутами и т.д. Ось психического времени мы будем интерпретировать, то есть определять те психические феномены, которые выражают положения на данной оси и их динамика. Так как мы отказываемся от понятия абсолютного времени, то биографическую или историческую хронологию для нанесения отметок на шкалу психического времени применить будет нельзя. Психический процесс – это не последовательность событий. Об этом многие писали, это видно из периодизаций психологического развития. Так в любой периодизации будет выделено две шкалы: биологическая и психическая. Биологическая, как правило, является ориентировочной, хотя и она весьма индивидуальна, может быть нестабильна, а может и вовсе в силу физических патологий сильно не соответствовать норме. Этапы же психического развития, расположены в определенном порядке, но имеют еще больший «временной разброс». Психическое развитие может зафиксироваться на каком-либо этапе или пройти несколько из них быстрее. Более развитый психически человек тот, кто прошел больше этапов. Прохождение этапа, развитие, само по себе обозначает качественное преобразование. Плюс, это преобразование должно быть детерминировано внутренней необходимостью и внешними обстоятельствами. Когда человек приходит

¹² Спрингер С., Дейч Г. Левый мозг, правый мозг. М.: Мир, 1983. 256 с.

¹³ Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А. Функциональные асимметрии человека. М.: Медицина, 1988. 201 с.

в состояние невозможности существования в прежнем психическом облике, он преобразуется. Трансформация или преобразование в общей схеме выглядит как энергообмен в открытой системе. То есть: система личность принимает на себя воздействие окружающей среды, внешней системы и частично за счет принятой, частично за счет внутренней энергии реорганизуется себя и избавляется от накопившихся дефектов, передает энергию вовне. То же самое мы можем сказать и о системе «индивид», то есть биологической системе. Для каждой из этих систем период времени отмеряется явлениями реорганизации системы.

В данном случае энергообмен выступает как индикатор преобразования в психической или биологической системе. И именно это позволяет нам отмерять периоды и отрезки жизни индивида независимо от отрицаемого абсолютного времени. Так за единицу времени в нашем случае мы принимаем единицу энергообмена необходимого для сохранения и поддержания существования системы. Мы говорим «сохранение и поддержание» в том смысле, в каком использовал это словосочетание Фрейд, описывая эволюцию живых организмов и принцип удовольствия¹⁴. Когда система испытывает угрозу перед внешним или внутренним воздействием, она «предпочитает» изменить свой отдельный элемент системы и адаптироваться, но не подвергать опасности всю систему целиком. Это и детерминирует процесс эволюции в целом.

Такая формулировка согласуется и с умозрительным разделением всякой материи на живую и мертвую. Так всякому живому организму для поддержания жизни необходим энергообмен, в котором он активно участвует и преобразуется. Всякое животное, растение или одноклеточное в этом понимании существуют во времени, так как преобразуются. Мертвая материя напротив, участвует в энергообмене пассивно. Ее преобразование осуществляется только в плане формы и содержания энергии. Камень от удара раскалывается, под лучами солнца нагревается и т.д. Как система он существует в пространстве, но не во времени. Интересны здесь и лингвистические совпадения. Человека, остановившего в развитии, называют мёртвым, инертным. Некоторые виды материи, находящиеся в постоянном движении напротив, называют

живыми: огонь, река, ветер. Они кажутся человеку то пляшущими, то играющими. Определённое сходство можно обнаружить в идеях Чаадаева. Разделяя мир на материальное и духовное, он отмечает, что одно из них – материальное – существует в пространстве, другое – духовное – существует во времени¹⁵. В рамках определенных религиозных концепций это могло бы найти и сходство с нашей гипотезой.

Также в рамках данного определения времени может вставать закономерный вопрос о его направленности. Но в данном случае мы пользуемся понятием не абсолютного, а относительного времени, и потому вопрос направленности относится к эволюции. Время сонаправлено с эволюцией, с развитием. Этого же достаточно для понимания времени в нашей системе. На популярный вопрос о возможности перемещения назад во времени ответ имеется лишь относительный. Он зависит от того как воспринимать эволюционные преобразования, а в рамках биологического разнообразия феноменов идеи эволюции и деградации имеют очень сложный философский подтекст, который пока неоднозначен и неприменим к нашей работе. Второй закономерный вопрос в рамках нашей системы касается взаимовлияния психического времени и биологического. Это взаимовлияние, несомненно, есть, и это следует не столько из свойств составленной системы, сколько из громадного опыта и материала, накопленного как гуманитарными, так и естественными науками. Психическая жизнь оказывает непосредственное воздействие на биологическую, в том числе и в плане продолжительности пусть и относительной. Однако в первую очередь мы определяем не «поведение функции». А этот один из механизмов влияния на биологическое время есть, несомненно, функция. Сейчас мы стремимся определить «параметр» этой функции, понять, что он из себя представляет. И на время пока «уравнение», то есть механизм, влияния психических интенций на биологическое время не определено, мы отображаем движение по оси абсцисс линейно. В целом мы отмечаем обязательность механизма влияния, но акцент сделан на определении фактора, который является не простым, а синтетическим.

¹⁴ Фрейд З. Психология бессознательного: сб. произведений. М.: Просвещение, 1990. 448 с.

¹⁵ Чаадаев П.Я. Философские письма; Апология сумасшедшего. М.: АСТ: Астрель, 2011. 254 с.

Список литературы:

1. Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А. Функциональные асимметрии человека. М.: Медицина, 1988. 201 с.
2. Гончаренко Н.В. Гений в искусстве и науке. М.: Искусство, 1991. 432 с.
3. Гуревич К.М., Борисова Е.М. Психологическая диагностика. 2-е изд. М.: УРАО, 2000. 304 с.
4. Гуревич П.С. Литература глазами психиатра // Филология: научные исследования. 2011. № 4 (04). С. 48-59.
5. Друри Н. Трансперсональная психология. Львов: Инициатива, 2001. 208 с.
6. Левинсон Ю.М., Зинченко В.Г., Виноградов М.Ю., Новицкий О.П. Основы биоэнергетической диагностики и лечения. М-Л.: Рос-Маркетинг, 1991. 95 с.
7. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. М.: Республика, 1995. 397 с.
8. Сас Т. Миф душевной болезни. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2010. 421 с.
9. Смоляк А.В. Шаман: Личность, функции, мировоззрение (Народы Нижнего Амура). М.: Наука, 1991. 280 с.
10. Спрингер С., Дейч Г. Левый мозг, правый мозг. М.: Мир, 1983. 256 с.
11. Фрейд З. Психология бессознательного: сб. произведений. М.: Просвещение, 1990. 448 с.
12. Чаадаев П.Я. Философические письма; Апология сумасшедшего. М.: АСТ: Астрель, 2011. 254 с.

References (transliteration):

1. Bragina N.N., Dobrokhotova T.A. Funktsional'nye asimmetrii cheloveka. M.: Meditsina, 1988. 201 s.
2. Goncharenko N. V. Genii v iskusstve i nauke. M.: Iskusstvo, 1991. 432 s.
3. Gurevich K.M., Borisova E.M. Psikhologicheskaya diagnostika. 2-e izd. M.: URAO, 2000. 304 s.
4. Gurevich P.S. Literatura glazami psihiatra // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2011. № 4 (04). S. 48-59.
5. Druri N. Transpersonal'naya psikhologiya. L'vov: Initsiativa, 2001. 208 s.
6. Levinson Yu.M., Zinchenko V.G., Vinogradov M.Yu., Novitskii O.P. Osnovy bioenergeticheskoi diagnostiki i lecheniya. M.-L.: Ros-Marketing, 1991. 95 s.
7. Lombroso Ch. Genial'nost' i pomeshatel'stvo. M.: Respublika, 1995. 397 s.
8. Sas T. Mif dushevnoi bolezni. M.: Akademicheskii Proekt; Al'ma Mater, 2010. 421 s.
9. Smolyak A.V. Shaman: Lichnost', funktsii, mirovozzrenie (Narody Nizhnego Amura). M.: Nauka, 1991. 280 s.
10. Springer S., Deich G. Levyi mozg, pravyi mozg. M.: Mir, 1983. 256 s.
11. Freid Z. Psikhologiya bessoznatel'nogo: sb. proizvedenii. M.: Prosveshchenie, 1990. 448 s.
12. Chaadaev P.Ya. Filosoficheskie pis'ma; Apologiya sumasshedshogo. M.: AST: Astrel', 2011. 254 s.